

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, как и во втором, готовящемся к выходу в свет томе избранных трудов собраны произведения разных лет, объединенные темой *детства* — основной темой, которой посвятила свою научную и творческую деятельность Анна Фрейд. Начав свою профессиональную деятельность с работы с детьми, в должности учительницы, а позднее став секретарем отца и в дальнейшем — его соратницей, она объединила в своей деятельности эти две близкие ей сферы. Анна Фрейд была первой, кто стал применять психоаналитические методы в процессе оказания психологической помощи детям, заложив тем самым основы новой области исследований — детского психоанализа. Ее деятельность имела широкий резонанс, а работы — высокую научную значимость. Работая в русле психоанализа, она оказала влияние как на детскую психологию в целом, так и на психиатрию.

Работа «Введение в детский психоанализ», вышедшая в 1927 году, — результат ее творческих исканий и практической работы; с одной стороны — своеобразный отчет о проделанной работе, представленный вниманию коллег по цеху, а с другой — программный документ и руководство для детского психоаналитика. Насколько близок анализ взрослых детскому анализу и в какой степени он применим к маленьким пациентам; последовательность, основные этапы, проблемы, ограничения и особенности аналитической работы с детьми — материал по этим и многим другим вопросам, проиллюстрированный примерами из практики, говорит не только о масштабе проделанного но и о специфичности предмета, свидетельствует о необходимости выделения детского анализа в особое направление психоаналитической терапии и задает направление для дальнейших исследований в этой области.

В своей практической деятельности А. Фрейд столкнулась с необходимостью пересмотра ортодоксальной психоаналитической теории, а именно смещения акцента с изучения функционирования бессознательного на исследование эго, что, как она отмечает в своей работе, всегда было основной целью терапевтического процесса, а исследование ид — лишь средством для достижения этой цели. Психология ид сменяется эго-психологией, одним из лидеров которой становится Анна Фрейд, а основные идеи нового направления черпаются из материалов детского психоанализа. Одной из основополагающих работ нового течения стала другая известная, ставшая классической книга А. Фрейд — «Эго и защитные механизмы». В свое время эта работа была признана весомым вкладом в развитие психологии. Посвященная роли и функционированию механизмов защиты эго от переживания тревоги, эта работа стала отправной точкой большинства будущих исследований в данной области. Современное, общепризнанное описание защитных механизмов принадлежит именно А. Фрейд.

Все, что написано Анной Фрейд, — актуально, свежо и доступно любому читателю. Актуально, потому что проблемы, которые затрагиваются ею, волновали людей и тогда, и сейчас и будут волновать человечество всегда. Свежо, потому что это собранные по крупицам знания опытного и талантливого клинициста, который дает простые, в общем-то, ответы на довольно сложные вопросы. Из каждой статьи, представленной как в первом, так и во втором томе, можно почерпнуть не только интересную, но и полезную информацию, касающуюся вопросов теории и практики анализа, воспитания детей, особенностей психического развития и внутреннего мира ребенка, детско-родительских отношений, особенностей возрастной периодизации и многое другое. Доступно, потому что представленный Анной Фрейд психоанализ легок для восприятия даже самого неискушенного читателя и максимально приближен к жизни и поэтому привлекателен.

ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ ПО ПСИХОАНАЛИЗУ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

Лекция первая

Амнезия событий раннего детства и ЭДИПОВ КОМПЛЕКС

Мы все прекрасно знаем, что преподаватели относятся к психоанализу с известной долей скептицизма и недоверия. Но так как вы, учителя, работающие в Детских дневных центрах¹, решили все же прослушать краткий курс моих лекций, вы, видимо, тем или иным путем пришли к заключению, что более близкое знакомство с новой дисциплиной сможет оказать определенную помощь в вашей нелегкой работе. После прослушивания этих четырех лекций вы сможете оценить, ошибались ли вы в своих ожиданиях и сумела ли я оправдать хоть часть ваших надежд.

¹ Немецкое *Hort* здесь переводится как «Детский дневной центр». Его устав гласит: «Центры созданы по модели детских садов, но предназначены, главным образом, для детей от 6 до 14 лет. В то время, как детские сады принимают детей только до 6 лет, то есть дошкольного возраста, центры *Hort* посещают те дети, родители которых уходят на работу на весь день и которые вынуждены были бы проводить свободное от школы время на улице. Здесь, в центрах *Hort*, они готовят уроки, участвуют в коллективных играх, ходят на прогулки».

В определенном смысле у меня нет для вас ничего абсолютно нового. Я бы не достигла своей цели, если бы попыталась рассказать вам о поведении школьников или детей, посещающих Дневные центры, так как в этом отношении вы находитесь в более выгодном положении. Через ваши руки ежедневно проходит огромное количество материала, наглядно демонстрирующего весь спектр явлений: от детей, отстающих в умственном и физическом развитии, запуганных, упрямых, лживых, испорченных дурным обращением, до жестоких, агрессивных и склонных к совершению преступлений. Я лучше уклонюсь от попыток оглашения всего списка, так как вы все равно обнаружите в нем много пробелов.

Тем не менее, даже хорошее знакомство со всем многообразием ситуаций может препятствовать постижению истинного смысла этих феноменов. Вы так же, как школьные учителя и воспитатели детских садов, должны беспрестанно *действовать*. Жизнедеятельность в классе требует постоянного вмешательства с вашей стороны: вы должны делать замечания, поддерживать дисциплину и порядок в классе, следить, чтобы дети не сидели без дела, давать им советы и указания. Ваша администрация была бы крайне недовольна, если бы вам вдруг пришло в голову перейти на позиции пассивного наблюдателя. Так уж устроено, что в силу своей профессиональной деятельности вы знакомитесь с бесчисленными видимыми проявлениями поведения детей, но вы не можете ни охватить взглядом весь спектр этих явлений, ни проследить истоки детского поведения, на которое вы вынуждены реагировать.

Возможно, вы не можете правильно оценить и классифицировать материал, которым обладаете, не столько из-за отсутствия возможности беспрепятственного наблюдения, сколько потому, что такая классификация требует специальных знаний. Представим себе на минуту, что кто-нибудь из присутствующих здесь особенно заинтересован в том, чтобы выяснить, почему некоторые дети в определенной группе страдают нарушениями зрения или рахитом. Ему известно, что эти дети живут в убогих, сырых домах, но только медик сможет внятно объяснить, каким образом сырость влияет на физическое состояние ребенка. Другой, возможно, сконцентрировал свое внимание на тех опасностях, которым подвержены, по причине своих врожденных качеств, дети страдающих алкоголизмом родителей; в этом случае необходимо обратиться к изучению наследственности. Тот, кто

интересуется взаимосвязью между такими явлениями, как безработица, нехватка жилья и отсутствие заботы о ребенке, должен заняться изучением социологии. Точно так же учитель, интересующийся психологическими детерминантами всех этих явлений, желающий понять разницу между ними и проследить их постепенное развитие на конкретных примерах, может обратиться за информацией к психоанализу.

Мне кажется, что такое обогащение знаниями может оказать вам значительную поддержку в вашей практической деятельности. На это есть две причины. Дневные центры – это новейший образовательный институт в Вене. Он предназначен для детей, которые по тем или иным причинам после уроков остаются без присмотра родителей. Идея создания подобных центров – превентивная мера, попытка предотвратить негативные последствия, возникающие в результате снижения заботы о детях. Своим существованием они обязаны убеждению, что на развитие вызывающего и асоциального поведения на ранних стадиях можно сравнительно легко повлиять в благоприятной атмосфере таких центров, напоминающей школьную или домашнюю обстановку. Позже, когда выросшие без родительского присмотра, совершившие преступления подростки оказываются в исправительном заведении, сделать это значительно сложнее, а порой просто невозможно.

Тем не менее, в настоящий момент посещение Дневных центров не может быть принудительным. В то время как посещение школы является обязательным, вопрос о доверии своего ребенка на попечение работникам центра оставлен на усмотрение родителей. По этой причине Дневные центры должны постоянно доказывать то, что их существование не является бесполезным, завоевывая авторитет в глазах каждого ребенка и родителя своей успешной работой, точно так же, как до указа об обязательной прививке против оспы надо было снова и снова убеждать родителей в необходимости такой прививки.

Но работники Дневных центров указывают на другое затруднение, присущее их положению. В большинстве случаев им приходится иметь дело с детьми, уже успевшими пройти через руки различных воспитателей. Они отмечают, что эти дети, по крайней мере вначале, неадекватно реагируют на них самих и их поступки. Они приходят с уже сложившимися представлениями и нередко своим поведением выражают недоверие, тревогу или пренебрежение по отношению к учителю. Такое отношение у них

выработалось в результате предыдущего общения со взрослыми. К тому же, жизнь ребенка в Дневном центре – не более чем приложение к его школьной жизни, и Центры в основном осваивают более либеральные, гуманные и современные способы воспитания, чем те, которые преобладают в большинстве школ. Таким образом, школа, требуя от ребенка определенного стандарта поведения и внушая ему такой стандарт, нередко создает для Центров препятствия в достижении цели.

Так что положение работников Дневных центров далеко не завидное. Они постоянно сталкиваются с трудными задачами, требующими независимого решения и вмешательства; и это не говоря уже о том, что они не являются главными и самыми важными взрослыми в жизни ребенка.

Школьные учителя на это могут сказать, что мы не правы, расценивая их положение как наиболее благоприятное. Они также утверждают, что чаще всего получают ребенка слишком поздно; очень сложно, например, в первом классе начальной школы привить ребенку правильное и серьезное отношение к учебе и к преподавателям, если прежде ему была знакома только беззаботная атмосфера детского сада. Они несут с собой в школу модель поведения, приобретенную в детском саду, и отношение, не приемлемое в условиях школы.

В соответствии с вышесказанным работники детских садов имеют дело с еще не испорченной воспитанием группой, а следовательно, находятся в более выгодном положении. Но даже от них мы, к нашему изумлению, слышим жалобы, что их трех-шестилетние воспитанники уже являются сформировавшимися личностями. Каждый ребенок наделен свойственными только ему чертами характера и реагирует на действия воспитателей по-своему. С каждым ребенком воспитатель связывает определенные ожидания, конкретные надежды и опасения, у каждого из них свои пристрастия, каждый по-своему выражает зависть и нежность, требует любви и отвергает ее. И речи не может быть о влиянии личности воспитателя на покорное, еще не сформировавшееся существо. Воспитательница имеет дело с маленькими личностями, сложными и с трудом поддающимися влиянию.

Поэтому учителя и воспитатели – в школах, в Дневных центрах или детских садах – всегда оказываются в одинаково трудном положении. Очевидно, что формирование личности завершается раньше, чем мы себе это представляли. Чтобы выявить происхождение тех особенностей характера ребенка, кото-

рые причиняют преподавателю столько хлопот, исследователь должен обратиться к периоду, предшествующему его поступлению в воспитательные заведения, к первым взрослым в жизни ребенка, то есть к периоду до шести лет и к его родителям.

Возможно, у вас появилось ощущение, что таким образом задача упрощается. Вместо того, чтобы день ото дня наблюдать поведение детей старшего возраста в школах и Дневных центрах, мы постараемся собрать сведения об их впечатлениях и воспоминаниях ранних лет.

На первый взгляд это совсем не сложно. Вы всегда стремились к тому, чтобы отношения с доверенными вам детьми были искренними и открытыми. Сейчас это очень пригодится. Отвечая на ваши вопросы, ребенок будет готов рассказать вам все.

Я советую каждому из вас совершить такую попытку, но предупреждаю вас, что вы получите скудные результаты. Дети не рассказывают о своем прошлом, зато они охотно расскажут вам о событиях последних нескольких дней или недель, о проведенных выходных, о своем последнем дне рождения, возможно, даже о прошлогоднем Рождестве. Но здесь их воспоминания обрываются, или, в любом случае, дети теряют способность рассказывать о них.

Вы можете сказать, что наша уверенность в том, что ребенок в состоянии вспомнить свое прошлое, не имеет под собой оснований. Следует иметь в виду, что дети не могут отличить важные события от незначительных. Поэтому вы считаете, что будет разумнее и продуктивнее задать наши вопросы не ребенку, а взрослому, интересующемуся исследованием раннего опыта своего детства.

Я, конечно, рекомендую вам воспользоваться также и этим, вторым способом, но знаю, что вы будете удивлены, когда обнаружите, что приятелю, искренне желающему помочь вам, почти нечего сказать. Его более или менее осознанные воспоминания с небольшим количеством пробелов обратятся, может быть, к пятому или шестому году жизни. Он опишет свои школьные годы, возможно даже дом, где он жил на третьем, четвертом и пятом году жизни, имена братьев и сестер и даты; он может даже упомянуть такое особое событие, как переезд из одного дома в другой, или какой-то необычный случай. На этом список иссякнет, прежде чем вы обнаружите искомое, а именно знаки того, как его пятилетнее развитие вело к формированию характерных черт личности.

Разумеется, это подходящий повод для нового разочарования. События, о которых мы хотим услышать, играющие столь важную роль в формировании характера индивида, касаются самых интимных переживаний в его жизни. Это тот опыт, который каждый хранит как самое сокровенное и, не допуская к нему никого, кроме самого себя, застенчиво скрывает даже от самых близких друзей. Учитывая это обстоятельство, следует обратиться за информацией к единственному человеку, готовому ее выдать. Иными словами, каждый исследователь должен изучить самого себя. Здесь дело касается нас самих, и мы должны положиться на способность нормального взрослого человека помнить прошлое, на нашу заинтересованность в этих сведениях и желание преодолеть все барьеры, препятствующие личности выдать свои секреты другим.

Тем не менее, даже если мы подойдем к этому делу со всей заинтересованностью и вниманием и будем предельно откровенны, результаты все равно будут скудными. Нам не удастся пролить свет на ранние годы нашей жизни и собрать непрерывную цепочку воспоминаний того периода. Мы можем связать события с определенными периодами времени, которые для различных индивидов могут быть совершенно разными. Для некоторых это пятый год жизни, для кого-то — четвертый, еще для кого-то — третий. Однако до этого момента в сознании каждого из нас существует большой пробел, темнота, на фоне которой выделяются лишь некоторые беспорядочные и бессвязные фрагменты, при ближайшем рассмотрении лишенные значения и смысла.

Например, молодой человек не помнит ничего из первых четырех лет своего детства, кроме короткого эпизода на корабле, где капитан в красивой форме протягивает к нему руки, чтобы поднять его над парашютом. Опрос других людей показал, что в тот же период времени он пережил серьезные потрясения и тяжелейшие удары судьбы. Или опять же, в памяти девушки, раннее детство которой было богато эмоциональными переживаниями, среди путаницы событий сохранилось лишь одно четкое воспоминание: во время прогулки в детской коляске она поворачивается назад и смотрит на няню, толкающую коляску!

Вы, конечно, согласитесь, что здесь мы сталкиваемся с крайне противоречивым набором фактов. С одной стороны, из наших наблюдений за маленькими детьми и рассказов родственников о нашем детстве мы знаем, что поведение ребенка на этой стадии развития осмысленно и активно; он выражает свое отно-

шение к происходящему, во многих отношениях проявляет себя как разумное существо. С другой стороны, этот период стерся из его памяти или, в лучшем случае, оставил о себе крайне скудные воспоминания. Согласно свидетельствам школьных учителей и воспитателей детских садов, по истечении этих ранних детских лет человек вступает в жизнь в качестве полностью сформировавшейся личности. Но все же память работает так, будто в этот период, когда ребенок наиболее восприимчив и чувствителен, когда происходит комплексное развитие его личности, ничего достойного запоминания не происходило.

До сих пор академическая психология попадала в эту ловушку. В качестве материала для своих исследований ученые брали только ту часть психической жизни индивида, которая известна ему самому, что неизбежно приводило к недооценке значения первых лет жизни, остававшихся для него неизвестными.

Первую попытку разрешения этого противоречия совершил психоанализ. Исследовав природу ошибочных действий, которые человек совершает в своей повседневной жизни, забывая и теряя вещи или кладя их не на свое место, читая или слыша неверное слово, психоанализ доказал, что такие ошибки не являются случайными. Прежде такие случаи объясняли, не особенно вдумываясь, как результат невнимательности, усталости или просто случайности. Психоаналитические исследования показали, что, как правило, мы ничего не забываем, кроме того, что мы по той или иной веской причине не хотели бы помнить, хотя эта причина обычно нам не известна.

Подобным образом, исследуя пробелы в воспоминаниях детства, психоанализ прибегает к нетрадиционным способам объяснения. Он утверждает, что столь поразительный феномен не имел бы места без серьезных на то оснований. Именно этот мрак, окутывающий первые годы жизни, и препятствия, возникающие на пути каждого, совершающего какую-либо попытку рассеять его, привели психоаналитиков к мысли, что тут скрывается что-то важное. Точно так же взломщик, наткнувшийся на особенно изощренное устройство замка, приходит к выводу, что усилия, которые он приложит, чтобы взломать его, будут щедро вознаграждены; люди не причинили бы себе столько хлопот, чтобы запретить нечто бесполезное!

Но в данный момент в мои планы не входит объяснение, каким образом психоанализ справился с этой целью — восстановить воспоминания детства. Описание метода психоанализа само

по себе займет больше времени, чем имеется в нашем распоряжении. Его более детальное рассмотрение и исследование мы оставим на случай другого курса лекций. Сейчас нас интересует главным образом содержание первых пяти лет жизни, в той мере, в которой психоанализу удалось восстановить его. Я напому только, что это восстановление совершалось путем толкования сновидений и объяснения происхождения ошибок, совершенных как здоровыми людьми, так и пациентами, страдающими неврозами.

Психоаналитическая реконструкция воспоминаний детства апеллирует к самой ранней поре младенчества, к периоду, когда ребенок обладает только наследственными качествами, присущими ему от рождения, — иными словами, к тому состоянию, в котором мы тщетно надеялись застать его в момент поступления в учебное заведение. То, что нам известно об этой стадии развития, не впечатляет. Новорожденные дети во многом схожи с детенышами животных, однако в некотором отношении находятся в менее выгодном положении, чем молодые животные. Последние зависят от своих матерей только в течение непродолжительного периода времени, самое большее, нескольких недель. После этого они превращаются в самостоятельных особей, способных обходиться без посторонней помощи. С детьми дело обстоит иначе.

Ребенок по крайней мере в течение года находится в такой зависимости от матери, что погиб бы в ту же минуту, когда мать перестала бы заботиться о нем. Но даже по прошествии года младенчества до независимости еще далеко. Ребенок не в состоянии добывать пищу и средства к существованию, защититься от опасности. Как известно, на то, чтобы полностью освободиться от опеки взрослых и стать самостоятельным, требуется пятнадцать лет, а то и больше.

Судьбу ребенка неизбежно определяет его продолжительная зависимость от взрослого, что также отличает людей от особей животного мира. Мать играет в течение первого года жизни самую важную роль в судьбе ребенка, хотя бы потому, что ее нежная забота — единственная его защита, это ощущение остается на всю жизнь. Ребенок чувствует себя в безопасности до тех пор, пока он знает, что мать находится поблизости, и дитя беспокойством или возмущением демонстрирует свою беспомощность, когда мать покидает его. Без матери он не смог бы утолить свой голод; ее присутствие становится жизненно важным для него.

Но отношения между матерью и младенцем вскоре приобретают гораздо больший смысл и уже не могут быть объяснены только стремлением к самосохранению. Мы замечаем, что ребенок хочет видеть свою маму рядом с собой и скучает по ней, даже когда его голод утолен и опасность ему не угрожает. Мы говорим, что ребенок любит свою мать. В ответ на ее нежную любовь и заботу у него появилась привязанность к матери. Верно то, что эта привязанность проистекает из инстинкта самосохранения, но, тем не менее, она стала независимой от этого инстинкта и дифференцировалась от него.

Нежные взаимоотношения между матерью и ребенком, казалось бы, дают все возможности для его безмятежного физического и психического развития. И, конечно, ребенок был бы абсолютно счастлив, если бы мать занималась исключительно его кормлением и заботой о нем.

Но в этот момент внешний мир впервые вмешивается в их отношения. Когда первый год жизни остается позади, выросший из младенческого возраста ребенок начинает понимать, что мать принадлежит не только ему. В семье, в которой он является только маленькой и не самой важной частью, есть и другие члены — отец, братья и сестры, о присутствии которых он узнал только что, но которые, как выяснилось, не менее важны, чем он сам. И все они, разумеется, отстаивают свои права на обладание матерью.

Несложно понять, что маленький ребенок смотрит на своих братьев и сестер как на врагов. Он ревнует к ним мать и хотел бы, чтобы их не было, так как они нарушают привычное и единственно приемлемое для него положение вещей.

Вы лично можете убедиться в том, что дети в раннем возрасте испытывают чувство ревности, понаблюдав за их поведением, например, в момент рождения другого ребенка. Так, двухлетняя девочка, отец которой с гордостью показывает ей новорожденного брата и ожидает, что она придет в восторг, просто спрашивает: «А когда он снова умрет?». Одна женщина рассказывала мне, что когда она кормила своего ребенка грудью, к ней довольно близко подобрался ее трехлетний сын, вооруженный каким-то острым предметом, и она с большим трудом остановила его, чтобы он не нанес увечье малышу. Можно привести множество подобных примеров. Известно немало случаев, когда двух- и трехлетние дети, оставленные по небрежности родителей наедине с малышами, наносили им серьезные травмы.

У нас есть все основания на то, чтобы считать ревность малолетних детей серьезным явлением. Она проистекает из тех же источников, что и ревность взрослых, и причиняет ребенку столько же страдания, сколько мы испытываем во взрослой жизни, когда в наши отношения с любимым человеком вмешивается нежелательный конкурент. Различие заключается в том, что ребенок более стеснен в своих действиях, чем взрослый, и поэтому единственным воплощением его эмоций является желание. Он бы хотел, чтобы его «надоедливые» братья и сестры куда-нибудь удалились, он желает им смерти. Для маленького ребенка, еще не разобравшегося, что такое смерть, не существует разницы между смертью человека и просто разлукой с ним.

Желание смерти братьев и сестер вполне естественно для ребенка. Чем больше он дорожит своей матерью, тем сильнее это желание. К тому же вначале ребенок совершенно прямолинеен в своих чувствах. Эмоциональный внутренний конфликт возрастает, когда он понимает, что его мать, по необъяснимой для него причине любящая этих «навязчивых» братьев и сестер, требует, чтобы он расстался со своими враждебными чувствами и делил с ними маму, и даже любил их. Здесь и начинаются все сложности во взаимоотношениях детей внутри семьи.

Наблюдая за детьми старшего возраста, вы, возможно, заметили, как часто выражение «братская любовь» не находит своего отражения в действительности, а лишь выражает чаяния родителей и как далеки реальные отношения между детьми от тех, какими их хотели бы видеть родители. Более того, это является убедительным доказательством верности высказанного здесь положения о том, что братья и сестры не испытывают такого острого чувства ревности, когда они меньше привязаны к матери. В малообеспеченных семьях, где мать не может уделять детям много сил и времени, изменения в ее взаимоотношениях с другими детьми, связанные с рождением нового малыша, не так ощутимы. По этой причине мы нередко замечаем, что в таких семьях больше любви и согласия во взаимоотношениях между братьями и сестрами, чем в хорошо обеспеченных семьях или семьях со средним достатком. В последнем случае каждый ребенок рассматривает своих братьев и сестер как очевидных конкурентов на материнскую ласку. Поэтому в такой семье главенствуют явные или скрытые зависть и ненависть.

Однако сумятица чувств, испытываемых ребенком во взаимоотношениях с братьями и сестрами, относительно безобидное

явление в сравнении с другим, более глубоким эмоциональным противоречием. Братья и сестры соперничают не только из-за материнской любви. В этой ситуации отец значит гораздо больше. Именно отец играет двойную роль в жизни ребенка. Его ненавидят как соперника, который закрепил за собой право обладания матерью, который уводит ее из дома, обращается с ней как со своей собственностью и настаивает на общей постели с ней. Но в то же время его любят и восхищаются им, потому что всегда могут рассчитывать на его помощь, верят в его силу и могущество и больше всего на свете хотят в будущем стать похожими на него. Здесь перед мальчиком впервые встает необычная и вначале совершенно неразрешимая проблема, заключающаяся в том, что чувства любви и восхищения у него вызывает тот человек, которого он одновременно ненавидит и которому желает смерти. Отношения с братьями и сестрами, если вы помните, осложнились лишь тем, что надо было подавить в себе враждебные чувства, чтобы угодить матери. В отношении же к отцу в душе мальчика впервые встречаются два противоречивых чувства. Я предлагаю вам самим представить себе все трудности, подстерегающие столкнувшегося с этой проблемой мальчика: во-первых, страх перед масштабами собственных враждебных чувств, во-вторых, боязнь отцовского гнева и того, что он может лишиться его любви, в-третьих, отсутствие прежней простоты и непосредственности во взаимоотношениях с матерью и, наконец, нечистая совесть и страх перед смертью. Я бы могла еще долго рассуждать по этому поводу, но оставим это до следующего раза.

Возможно, вы чувствуете, что дальнейшее изучение истории эмоционального развития ребенка – занятие интересное, но не видите его связи с вашей конкретной работой. Вы полагаете, что дети старшего возраста, с которыми вы имеете дело, давно переросли стадию полной зависимости от матери, детскую ревность и все эмоциональные потрясения первых лет жизни. Но здесь вы ошибаетесь. Явления, с которыми вы сталкиваетесь в ваших группах или классах, непосредственно связаны с этим ранним периодом жизни. Те дети, которых вы называете склонными к конфликтному и асоциальному поведению, завистливыми, вечно недовольными, отождествляют своих одноклассников с родными братьями или сестрами и здесь, в школе, пытаются силой решить проблемы, не решенные дома. Те, кто агрессивно реагирует на малейшую вашу попытку воспользоваться своей властью над ними, отождествляют вас со своим отцом и переносят на вас свою пред-

назначенную отцу враждебность и пожелание смерти. Точно так же те, кто выглядит настолько застенчивым, что даже не осмеливается взглянуть вам в лицо, равно как повисить голос в классе, пытаются отказаться от таких желаний, воспитывают в себе стремление к подчинению. Прежде вас удивляло подобное объяснение этих явлений. Верно то, что у шестилетнего ребенка уже есть определенный набор реакций, и он воспроизводит их применительно к вам. То, что предстает перед вашими глазами — лишь повторение давних конфликтов в новом облике. Вы в данном случае являетесь жертвой, но не причиной этих конфликтов.

Я предвижу ваше второе возражение. Возможно, вы почувствовали, что описанная мною семья не существует вовсе или, по крайней мере, большинство семей, с детьми которых вы имеете дело, не такие. Не так часто встретишь мать, дарящую своим детям столько любви и тепла и распределяющей эту ласку так равномерно. Не всегда встретишь и отца, так хорошо ладящего со своей женой и служащего для малолетнего сына предметом любви и восхищения. Как правило, картина совершенно иная.

Но описывая такую образцовую семью, я преследовала определенные цели. Я хотела, чтобы вы почувствовали всю сложность ситуации, в которой оказывается ребенок, испытывающий противоречивые чувства даже при наиболее благоприятных внешних условиях. Каждый фактор, способствующий их ухудшению, иначе говоря, все обстоятельства, омрачающие картину образцовой семейной жизни, в то же самое время обостряют внутренний конфликт ребенка.

Представим себе, что ребенок на протяжении первого, наиболее важного года жизни совсем не воспитывался своей матерью, а переходил из одной приемной семьи в другую или воспитывался в детском доме постоянно меняющимися, более или менее безразличными нянями. Не следует ли нам считать, что отсутствие первой естественной эмоциональной привязанности сильно повлияет на его дальнейшую жизнь?

Или допустим, что отец, с которого мальчик берет пример и по стопам которого хочет следовать во всем, страдает алкоголизмом, психическими расстройствами или является преступником. В этом случае стремление подражать отцу, в нормальных условиях оказывающее неocenимую поддержку в воспитании, может погубить ребенка.

Когда родители состоят в разводе и каждый из них пытается взять верх над другим во влиянии на ребенка и представить

другого виновным, полноценное эмоциональное развитие ребенка находится под угрозой. Его доверие к родителям подорвано, так как его способность к критической оценке разбужена слишком рано.

Я приведу здесь слова восьмилетнего мальчика, тщетно пытавшегося помирить своих родителей, собиравшихся разводиться. Он заявил: «Если папа не любит маму, то мама не любит папу, и поэтому они меня тоже не могут любить. Тогда и я их не люблю. И потому вся семья разваливается». Выводы, сделанные ребенком в этих условиях, тревожны. Он ведет себя как служащий обанкротившейся фирмы, разочаровавшийся в собственных принципах работы и потому потерявший всякий интерес к своим обязанностям. В таких обстоятельствах ребенок так же, как и в предыдущем примере со служащим, прекращает исполнять свою задачу, то есть в данном случае нормально развиваться, и в качестве реакции на ненормальные условия обнаруживает отклонения.

Дамы и господа, на сегодня хватит. Я представила вам сегодня события раннего детства в той форме, в которой они были воссозданы методом психоанализа. Не знаю, насколько правомочными показались вам эти выводы. В любом случае осуществленные психоаналитиками открытия в целом помогли привлечь внимание людей к событиям первых лет жизни.

В завершение я представлю вашему вниманию случай, подтверждающий практическое значение таких теоретических построений.

Недавно немецкий суд вынес решение в бракоразводном процессе. В ходе судебного разбирательства возник вопрос, с кем из родителей оставить двухлетнего ребенка. Защищавший мужа адвокат доказал, что жена, в силу всех особенностей своего характера, не способна должным образом воспитать ребенка. В ответ на это адвокат жены построил свое возражение на том факте, что двухлетний ребенок нуждается в заботе, а не в воспитании. Чтобы разрешить этот спор, экспертам был задан вопрос, в каком возрасте, по их мнению, начинается воспитание ребенка. Только часть из приглашенных экспертов принадлежала к психоаналитической школе, а часть — к другим, придерживающимся ортодоксальных взглядов. Тем не менее, они единогласно пришли к выводу, что *воспитание ребенка начинается с первых дней его жизни.*

У нас есть все основания, чтобы предположить, что в период, предшествующий открытию психоанализа, эксперты пришли бы к обратному выводу.

Лекция вторая

Инстинктивные проявления раннего детства

Мне не известно, как вы восприняли предыдущую лекцию, но осмелюсь предположить, что впечатление было двойственным. С одной стороны, вы, возможно, думаете, что я не смогла предложить ничего, кроме давно известных вам фактов, и сделала это с излишним пафосом; что у меня сложилось ошибочное мнение, будто учителя до сих пор считают своих учеников некими существами, не связанными с семьей; что я забыла, что сегодня даже самый молодой преподаватель, столкнувшись с трудностями, в первую очередь думает о домашнем окружении ребенка, о неблагоприятном родительском влиянии или о последствиях того, что ребенок является младшим, старшим или средним в семье. Вы всегда пытаетесь объяснить поведение ребенка в школе тем или иным обращением с ним в семье. Так что задолго до прослушивания моей лекции вам был известен тот факт, что характер ребенка формируется под влиянием домашней обстановки.

В то же время вам может показаться, что я сильно преувеличиваю, приравнивая чувства и поступки детей к соответствующим проявлениям взрослых людей. Так, я приписала ребенку, вступившему в бытовые разногласия со своими братьями и сестрами, желание смерти последним; а нежное и совершенно невинное отношение мальчика к матери превратила в чувства мужчины, желающего вступить в интимные взаимоотношения с женщиной.

Вам кажется вполне естественным, что мальчик в своих будничных отношениях с отцом осознает, что тот превосходит его в силе, и неохотно подчиняется ограничивающим его свободу родительским требованиям. Но я раздула этот конфликт до масштабов битвы не на жизнь, а на смерть. Вы уже давно с удивлением узнали, что психоанализ зашел так далеко, что сравнил эмоциональное состояние маленького ребенка с чувствами персонажа древнегреческого мифа, царя Эдипа, сразившего своего отца и овладевшего матерью. Возможно, своим выступлением я просто доказала вам, что предубеждение, которое вы всегда испытывали по отношению к психоанализу, не было лишено оснований, и то, что раньше было предубеждени-

ем, теперь стало мнением, опирающимся на ваш собственный опыт. Здесь я не собираюсь приводить аргументы в защиту точки зрения психоанализа. Я прошу вас просто немного повременить с выводами.

Давайте еще раз вернемся к вынесенному немецким судом вердикту, который, как я показала вам, полностью соотносится с идеями психоанализа. Что следует подразумевать под понятием «воспитание» с первого дня жизни? Что можно воспитывать в юном, мало отличающемся от животного создании, о мыслительных процессах которого нам до сих пор было известно так мало? На чем могут основываться попытки образования? Судя по набросанной мной схеме внутренней жизни ребенка и его взаимоотношений с окружающими, можно подумать, что ответ не сложен. Задача будет заключаться в том, чтобы проверить, правда ли ребенок испытывает враждебные чувства по отношению к братьям, сестрам и отцу, а также желание физического обладания матерью, и не дать этим желаниям воплотиться.

Но при ближайшем рассмотрении такое определение воспитания ребенка на ранних стадиях развития оказывается нелепым и неудовлетворительным. Маленький ребенок беспомощен и бессилен перед окружающими его людьми. Мы знаем, что его существование поддерживается лишь благодаря доброте окружающих. Его сила не идет ни в какое сравнение с их силой. Так что у него нет ни малейшего шанса осуществить свои опасные желания. Судебной и медицинской практике действительно известны случаи, когда мальчики, насколько это позволяло их физическое развитие, исполняли роль отца по отношению к матери или когда девочки использовались отцами в сексуальных целях. Но во всех этих случаях исполнению ненормальных желаний способствовали не физическая сила и энергия ребенка, а ненормальное поведение взрослых, использовавших детские желания в целях удовлетворения собственной похоти. В реальной жизни, как правило, гораздо важнее защитить ребенка от насилия отца, чем отца от враждебности ребенка.

Так что вопрос об определении воспитания в начале жизни остается открытым, и о том, в чем оно состоит, мы также знаем немного. Впрочем, можно взглянуть на этот вопрос и с другой стороны, снова обратившись к приведенному выше официальному вердикту и сравнив два понятия – забота о ребенке и воспитание ребенка.

Объяснить, что такое забота о ребенке, не сложно. Уход за ребенком заключается в удовлетворении его физических потреб-

ностей. Тот, кто заботится о ребенке, должен удовлетворять его голод, следить за тем, чтобы он всегда находился в тепле, уюте и чистоте (правда, последнее больше соответствует желаниям взрослых, чем ребенка), защищать его от опасностей и прочих сложностей. За удовлетворение всех его нужд ничего не требуется взамен. Воспитание, напротив, выставляет ребенку определенные требования.

Бесконечное перечисление актуальных ныне и в прошлом целей воспитания вывело бы меня далеко за пределы сферы моей компетенции. Родители ребенка всегда стремятся к тому, чтобы его облик соответствовал их требованиям, то есть их цели различаются в зависимости от места проживания, материального благосостояния, социального сословия, политических убеждений. Тем не менее эти различные цели имеют одну общую особенность. Основная тенденция воспитания состоит в том, что родители стремятся вырастить ребенка человеком, похожим на окружающих его взрослых. Из этого мы можем заключить, что воспитатель стремится исключить в ребенке все черты, отличающие его от взрослого, иными словами, борется с поведением ребенка или, как это понимают взрослые, с его непослушанием.

Было бы ошибкой с моей стороны подробно на этом останавливаться, так как любой учитель и работник Дневного центра знает об этом из собственных наблюдений. Но то, как ребенок проявляет себя в школе, слабо отражает его внутренний мир. Достоверные сведения о нем могут дать лишь те, кто жил в постоянном взаимодействии с ним с младенческого возраста до пяти лет. Опрашивая таких людей, мы слышим в ответ следующее: он ужасно эгоистичен и ни с кем не считается; он заботится только о своих интересах и удовлетворении собственных желаний, независимо от того, мешает это другим или нет. Он неопрятен и неряшлив; он прикасается к самым отвратительным предметам и даже тянет их в рот. Он абсолютно не стыдится собственного тела и очень любопытен к вещам, которые другие пытаются скрыть от него. Он обжора и обожает сладкое. Он жесток по отношению ко всем живым существам, которые слабее его, и получает огромное удовольствие, ломая вещи. Ему свойственно множество дурных привычек, связанных с телом: он сосет пальцы, грызет ногти, ковыряет в носу, забавляется со своими половыми органами; и все это он делает с особой страстью, стремится удовлетворить все свои желания и при этом не терпит ни малейшей отсрочки.

Жалобы родителей сводятся к двум пунктам. Первый — это чувство отчаяния; как только им удастся отучить ребенка от одной дурной привычки, так тут же появляется другая. Второй — это недоумение. Они не могут понять, откуда это все берется. Разумеется, не из подражания родителям; они тщательно оберегают ребенка от общения с детьми, которых считают испорченными.

Вы можете сказать, что такое перечисление детских качеств больше напоминает обвинение, чем объективное описание. Но ведь взрослые никогда не были объективны по отношению к детям. Вместо того, чтобы наблюдать за ними, они на протяжении веков вели себя как строгие учителя, которые подходят к каждому детскому проступку с возмущением и негодованием. Им не удастся докопаться до истинных причин поступков детей, пока они не научатся не торопиться с выводами. До тех пор, пока они называют это «непослушанием», такое детское поведение будет оставаться для них просто хаотичным, беспорядочным нагромождением качеств. Ничего не остается, кроме как сокрушаться по этому поводу!

Более того, до сих пор даже научные исследования не смогли пролить свет на этот вопрос. Они пошли путем отрицания всех черт, не вписывающихся в картину детского характера, которую они выработали из отвлеченных гипотез. Психоанализ был первым течением, освободившимся от преждевременных суждений, предвзятости и предположений, с которыми взрослые с незапамятных времен подходили к эволюции характера ребенка.

В результате масса необъяснимых и неприятных явлений объединилась в органичное целое. То, что раньше казалось набором произвольных черт, предстало в виде четкой последовательности различных стадий развития, в виде того, что раньше понималось под понятием взросления человека. Психоанализ также нашел объяснение перечисленным выше жалобам родителей. Ни быстрая замена одной привычки другой, ни их возникновение без какого-либо внешнего повода больше не ставят исследователя в тупик; с этих пор эти привычки не рассматриваются как досадные случайные отклонения, но понимаются как естественные, нормальные звенья гармоничной цепи развития.

Первым свидетельством существования такой строгой последовательности стал сделанный в результате наблюдений вывод, что выбор частей тела, с которыми дети связывают свои привычки, не случаен, а предопределен. Как вы помните, в нашей первой лекции мы выяснили, что в основе эмоциональной бли-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru